

зачастую дает в разных произвольных вариантах, иногда очень неполно. Это затрудняет чтение работы и проверку ее выводов.

Все эти замечания не должны все же помешать общей положительной оценке работы М. Я. Сюзюмова. Нет сомнения, что после ее выхода трудно будет излагать по-старому историю Византийской империи в VII—IX вв. Работа М. Я. Сюзюмова разрушает традиционные представления об иконоборчестве как о борьбе государства против крупного монастырского землевладения. Однако позитивные положения М. Я. Сюзюмова, которые он выдвигает взамен традиционной концепции, вызывают, как мы видим, самые серьезные возражения: проблемы иконоборчества требуют еще очень серьезной работы советских исследователей.

М. А. Заборов

МАРИАН МАЛОВИСТ. КАФФА — ГЕНУЭЗСКАЯ КОЛОНИЯ В КРЫМУ И ВОСТОЧНАЯ ПРОБЛЕМА В 1453—1475 гг.

381 стр. 1947.

Marian Malowist. Kaffa — Kolonia genueńska w Krymie i problem wschodni w latach 1453—1475.

Монография польского историка М. Маловиста, посвященная истории Каффы в последний период ее существования, как генуэзской колонии, по тематике представляет несомненный интерес не только для Польши, торговля которой в средние века была тесно связана с львовско-каффинским направлением,¹ но и для советской историографии. История средневековой Каффы — современной Феодосии — часть нашего прошлого как в силу торговых связей Крыма и особенно Каффы с Киевом и Московским государством, так и в силу того, что Крым — часть нашей Родины. В истории Каффы средневековье Запада и средневековье Руси сливаются воедино.

Кроме новейшей обширной литературы, Маловист использовал большое количество опубликованных источников по истории разных стран (Польши, Литвы, России, Румынии, Италии, южнославянских стран, Венгрии): хроники, акты, произведения средневековых писателей, папские энциклопедии и др. Частично работа базируется на материалах, извлеченных автором из венецианского и генуэзского государственных архивов.

Книга состоит из двух частей. В первой из них автор дает краткую историю черноморских колоний Генуи до середины XV в. и более развернутую характеристику Каффы в середине XV в. со стороны топографии, населения, управления, финансов, торговли (внутренней и внешней) и отчасти ремесла. Больше всего внимания он уделяет внешней торговле. Гораздо более обширная вторая часть книги целиком посвящена истории международных политических отношений в Юго-Восточной Европе в 1453—1475 гг.

¹ Истории львовско-каффской торговли посвящены работы: S. Kutrzeba. *Handel polski ze wschodem w wiekach średnich*. Krakow, 1903; L. Charewiczowa. *Handel sredniowieczego Lwowa*. Lwow, 1925.

Автор выделяет как объект исследования третья четверть XV в. Такое отмежевание определенного хронологического периода в истории Каффы дает автору возможность конкретизировать и тем самым несколько изменить обычное в буржуазной историографии суммарное представление о месте, которое занимала Каффа в международной торговле средних веков. Маловист следующим образом характеризует торговлю Каффы: вначале Каффа снабжала Восточную Европу продуктами Леванта в обмен на продукты севера. Но эта торговля не могла принять большие размеры, так как контрагенты Каффы не могли поглотить большого количества дорогих товаров. Уже в первой половине XV в. торговля Каффы левантийскими продуктами отступает на задний план в общей сумме ее торговых оборотов. Во второй половине XV в. этот факт становится еще более заметным. Товары Леванта не исчезают совершенно с рынка Каффы, но преобладающую роль на нем теперь играют зерно и рабы. Зерно вывозится каффскими купцами главным образом из земель, расположенных у устьев Дуная и Днестра, преимущественно из Молдавии. Эти же области представляют рынок и для сбыта товаров, привозимых из Каффы. Торговые сношения с Молдавией приобрели огромное значение в экономической жизни Крыма, в частности Каффы. Города Белгород (современный Аккерман) и Килия стали связующими узлами между областью Днестра и Дуная, с одной стороны, и генуэзскими колониями Крыма — с другой. Эти два города были главными центрами экспорта зерна и продовольствия. В XIV в. Белгород находился под властью Генуи и лишь в начале XV в. перешел под власть молдавских господарей. Кроме того, земли, расположенные на низовьях Дуная и Днестра, являлись для генуэзских колоний в Крыму транзитным путем в Центральную и Западную Европу, что стало особенно важным после завоевания Турцией проливов. Из Белгорода через Сучаву можно было попасть либо в Польшу, либо в Венгрию, а затем и в Италию. Торговая связь между Каффой и Польшей, главным образом через Львов, — факт, установленный на основании источников, хотя детали этих сношений до сих пор не обследованы.

Если местности, прилегающие к Черному и Азовскому морям, были для Каффы главными поставщиками зерна и другого продовольствия, то главным поставщиком рабов был для нее Кавказ. В рассматриваемый период Каффа — знаменитый рынок рабов, снабжавший живым товаром Константинополь, острова Архипелага, Египет, Сирию, а также и Италию, в частности Геную. Повидимому, Генуя ввозила в Каффу взамен этих товаров различного рода сукна.

Каффа поддерживала торговые сношения как с Киевом, так и с Москвой. Однако Маловист утверждает, что торговая связь с Москвой не играла большой роли в экономической жизни Каффы, так как она имела возможность получать товары севера через Львов и Белгород (Аккерман).

Подводя итоги той части своей работы, которая посвящена характеристике международных торговых сношений Каффы в XV в., Маловист приходит к следующим выводам. Связи Каффы с северным побережьем Черного моря были значительно более интенсивными, чем сношения с южным его побережьем. Каффа сыграла прогрессивную роль в развитии Польши, Украины и Молдавии. Своим спросом на зерно она содействовала развитию сельского хозяйства в плодородных равнинах, расположенных у устьев Дуная и Днестра. Она пробудила энергию и торговую предприимчивость у населения этих стран и при-

общила их к участию в левантийской торговле. По мнению Маловиста, города Львов, Белгород, Сучава и Килия своим расцветом в XIV—XV вв. были обязаны в значительной степени Каффе. Иной характер носили экономические связи Каффы с Кавказом. Здесь генуэзцы выступали как эксплуататоры местных племен. Они были лишь организаторами охоты за рабами. В этом смысле они являются предшественниками турок. Товаров они привозили сюда немного и не содействовали развитию местного производства. Однако — таков конечный вывод автора — отрицательное влияние Каффы на развитие кавказских народностей компенсируется общей плодотворной ролью, которую она сыграла в черноморских областях. „Современный исследователь, — говорит Маловист (стр. 108—109), — должен оценить тот неизмеримо важный факт, что генуэзские купцы — не только торговцы рабами и эксплуататоры народов, стоящих на низшей ступени культуры“, они превратили Крым в центр международной торговли.

Далеко не все эти выводы можно признать убедительными.

Утверждение автора, что рабы стали одним из преобладающих объектов каффской торговли лишь в последний период существования Каффы как генуэзской колонии, нуждается в существенной оговорке. Уже в конце XIII в. каффские купцы очень часто заключали сделки купли-продажи рабов, как об этом свидетельствуют акты генуэзских нотариусов Перы и Каффы, относящиеся к этому времени.¹ Вообще оценка каффской торговли страдает преувеличениями и идеализацией. Безусловно, Каффа была крупным центром международной торговли. Но говоря о Львове, не следует забывать значения и других направлений его торговых связей.² Более чем сомнительно утверждение Маловиста о незначительной роли московской торговли в общем торгговом обороте Каффы. Совершенно неясно, на чем базируется этот вывод. Если только на том, что власти Каффы проявили неуступчивость и настойчивость в известном конфликте между ними и Иваном III, вызванном ограблением каффскими купцами московских купцов, то подобное основание представляется нам явно недостаточным. Скорее, решающим моментом в данном случае являлась отдаленность Москвы от Крыма (сам автор указывает на этот момент). В русской исторической литературе уже подчеркивалось значение торговли Москвы с Крымом, а в советской историографии было высказано даже мнение, что „развитие и ранний расцвет московской торговли определились не столько западными, сколько юго-восточными ее связями“.³ Вопрос о размерах и значении торговли между Москвой и Каффой для обоих контрагентов требует еще очень внимательного исследования.

Но наибольшие возражения вызывает оценка кавказской политики Каффы, даваемая Маловистом. Терпимое отношение к эксплуатации народов, „стоящих на низшей ступени развития“, отразившееся в приведенной выше фразе автора, совершенно для нас неприемлемо. Никакие заслуги генуэзцев в смысле стимулирования торговой предприимчивости у населения Причерноморья не в состоянии заслонить фигуру генуэзда-хищника, генуэзда-работорговца, наживавшего огромные капиталы на торговле живым товаром.

¹ См. Bratianu. Actes des notaires génoés de Péra et de Caffa.

² См. указ. выше польскую литературу.

³ Е. В. Сыроечковский. Гости-сурожане. 1935, стр. 9.

Во второй части монографии Маловист дает характеристику международных политических отношений в Юго-Восточной Европе в 1453—1475 гг., или, по его обозначению, восточной проблемы того времени. Автор рисует последовательные фазы этой проблемы, специально оттеняя в рамках каждой из них международное положение генуэзских колоний в Крыму, в особенности Каффы. Для внешней истории международных отношений этот раздел дает большой фактический материал. Перед читателем встает сложная сеть политических отношений между Польшей, Венгрией, Турцией, Золотой и Крымской ордой, Молдавией, итальянскими городами и республиками, мелкими крымскими государствами — Готией, Кампанией, генуэзскими колониями в Крыму. Этот раздел вводит также в изгибы отношений между враждующими коалициями итальянских городов и проливает свет на генуэзско-венецианское (а следовательно, и каффско-венецианское) противоречие интересов. Ряд данных показывает, что Генуя и Каффа выиграли от венецианско-турецкой войны и что этот факт благоприятно отразился на экономическом развитии Каффы.

„Восточная проблема“ сводится для Маловиста к вопросу о том, чем объясняются успехи Турции вообще и в отношении Каффы в частности. По мнению автора, тайну турецких успехов надо искать в тяжелом политико-экономическом кризисе, охватившем всю Европу. Время крестовых походов миновало, говорит он, глубокие противоречия политических и экономических интересов, существовавшие между европейскими государствами, исключали возможность организации общей обороны против турецкой агрессии. Все государства переживали период централизации и, чувствуя свою внутреннюю слабость, старались усилиться путем агрессии против соседей. Что касается Каффы, то она, будучи расположена вдали не только от метрополии, но и от какого бы то ни было крупного государства, не могла рассчитывать ни на чью помощь. Это и побуждало ее к уступчивости в отношении Турции. Однако политика уступок оказалась бесполезной для Каффы после того, как султан, одержав победу над Венецией, перешел к агрессии против придунайских земель. Когда же крымские татары выступили против Каффы под руководством князя Кампании Эминка, обратившегося за помощью к султану, последний понял, что создавшаяся международная ситуация благоприятна для подчинения ему генуэзских колоний Крыма. Тогда он заключил перемирие с Венецией, бросил свои силы на Черное море и осадил Каффу. Лишенные помощи извне и опасаясь дальнейшего обострения будто бы неожиданно вспыхнувших в городе национальных и религиозных противоречий, городские власти через пять дней капитулировали перед турками, после чего последние совершили массу жестокостей в отношении населения.

Рамки нашей рецензии не позволяют подробно остановиться на изложенной концепции в целом. Отметим только, что ее основной порок, делающий ее совершенно неприемлемой для историка-марксиста, заключается в игнорировании экономического развития европейских стран и классовой борьбы, развертывавшейся в них. Конечно, к XV в. время крестовых походов миновало. Но оно миновало прежде всего потому, что исчезли причины, вызывавшие крестоносное движение: развились производительные силы, выросли города и весь экономический строй западноевропейских государств претерпел глубокие изменения. Те причины прекращения крестовых походов, на которые указывает Маловист, тоже сыграли известную роль. Но все это

причины вторичного, производного характера. К тому же некоторые из них (например, агрессия как результат внутренней слабости государств) неправильно истолкованы. А для автора именно эти производные факторы являются решающими.

В выдвинутой Маловистом проблеме нас интересует главным образом вторая ее половина — вопрос о падении Каффы.

Если отвлечься от чисто внешних описаний осады и капитуляции Каффы, которые часто встречаются в работах буржуазных историков, то придется констатировать, что проблема ее падения почти не затронута ни в западноевропейской, ни в дореволюционной русской буржуазной историографии. Даже те авторы, которые в виде исключения пытались дать не только описание, но и какое-то объяснение быстрого падения Каффы, были очень далеки от подлинно научного решения этой проблемы. Примером могут служить статьи Колли, напечатанные в 1911—1912 гг. в „Известиях Таврической архивной комиссии“.¹ Колли совершенно игнорирует социальную жизнь Каффы и классовую борьбу в ней.

То же по существу мы видим и в рецензируемой книге. Автор, правда, касается развернувшихся в Каффе социальных противоречий, но он явно недооценивает их значение для истории города вообще и для его падения в частности. В его книге противоречия эти играют лишь роль дополнительного аксессуара. Объяснения особенностей истории Каффы в последнее десятилетие ее существования Маловист ищет, главным образом, во внешнеполитических факторах: в сплетении международных отношений, подготовивших изоляцию Каффы и породивших безучастность других государств к драматической развязке ее истории. Классовая борьба в Каффе, очень многогранная, часто осложнявшаяся национальными и религиозными противоречиями, дана лишь отрывочно и неясно. Восстанию 1454 г., в котором участвовала масса городского населения и которое выдвинуло лозунг „Смерть аристократии! Да здравствует народ!“, отведены всего две-три строки. Совершенно не упомянуты восстания матросов, очень характерные для специфики и остроты классовых противоречий в генуэзских колониях Крыма.

Автор монографии вообще уделяет очень мало внимания внутренней жизни города. Так, характеристике каффского управления посвящено всего 10—11 страниц, и оно представлено лишь в общих очертаниях. Между тем устав 1449 г.² дает богатый материал для изучения основ колониального господства генуэзцев. Он показывает политическое неравноправие других народностей, населявших Каффу и подвергавшихся эксплуатации со стороны ничтожного генуэзского меньшинства: в момент падения Каффы в городе с 70-тысячным населением насчитывалось лишь две тысячи генуэзцев. В монографии Маловиста наблюдается тенденция представить эту эксплуатацию в смягченном виде, т. е. та же тенденция идеализации генуэзских правителей, которую мы констатировали у него применительно к сфере кавказской политики Каффы. Признавая факт подчинения жителей Каффы небольшой группе богатых генуэзцев, Маловист пишет: „Необходимо, однако, подтвердить, что генуэзское господство не было слишком обременительно. Правительство Генуи, а позднее банк св. Георгия, которому Генуя передала в 1453 г. власть над своими крымскими колониями,

¹ См. № 45 и 48, 1911—1912.

² Оpubл. Юргевичем в „Записках Одесского об-ва истории и древностей“, № 5.

заботились о судьбе подданных и старались обеспечить им свободу вероисповедания и возможность обогащения. Чрезмерное усиление налогового бремени и другие проявления гнета встречали суровое порицание со стороны генуэзских властей. Эти последние не руководились в своем поведении гуманитарными мотивами. Они хотели выжать из Каффы возможно больший доход, но понимали, что предпосылкой прочной эксплуатации является благосостояние населения и его довольство существующим положением вещей. Генуэзцы хорошо понимали, что должны избегать конфликтов с населением, хотя бы из-за турок, татар и других соседей Каффы, которые жадными глазами взирали на богатый город. Нужно признать, что генуэзцы достигли своей цели. Почти до 1470 г. совместное существование многих народов и вероисповеданий не вызывало на почве Каффы никаких серьезных опасений. Армяне, евреи и греки были привязаны к Генуе и охотно давали деньги на оборону колоний, правильно рассуждая, что турецкое или татарское владычество было бы значительно тягостнее, чем генуэзское господство. Они обладали широкой религиозной автономией, платили не слишком большие налоги, а обширная генуэзская торговля гарантировала им значительные прибыли" (стр. 103). Такова концепция Маловиста. Она глубоко искажает историческое прошлое.

Даже те факты о положении народных масс в городе, которые приведены в книге, несмотря на их явную неполноту, совершенно опровергают нарисованную Маловистом идиллию. Они свидетельствуют о глубоком недовольстве широких кругов городского населения, не раз приводившем к волнениям и восстаниям. Они опровергают и другое утверждение автора, а именно, что протекторы банка св. Георгия стремились к радикальной реформе управления в Каффе — на началах большей справедливости и уравнительности. Ни одна из проведенных ими реформ не удовлетворила массу населения. Об этом ярко свидетельствуют не прекращавшиеся в Каффе народные волнения.

Мысль Маловиста целиком течет в обычном фарватере буржуазной историографии, нисколько не поднимаясь над ее уровнем. Для его монографии характерны те же черты, которые мы встречаем у других буржуазных историков, писавших о Генуе и Каффе (Канале, Донавера, Примоды и др.): то же подчеркнутое внимание к политическим судьбам Каффы, та же недооценка значения ее социальной истории, та же апология международной торговой роли генуэзского купечества.

Только глубокий социальный анализ существовавших в Каффе классовых противоречий в состоянии с полной удовлетворительностью показать, каким образом укрепленный город с 70-тысячным населением, обладавший достаточным количеством вооружения, мог в течение пяти дней пасть под напором турецкой армии. Но такой анализ может быть дан лишь на основе марксистско-ленинской методологии истории. Одна только характеристика международных политических отношений, с какой бы полнотой она ни была произведена, не даст научного разъяснения проблемы.

Исследование социальной истории Каффы уже начато в нашей советской историографии.¹ Долг наших историков продолжить эту работу.

В. В. Стоклицкая-Терешкович

¹ См. статью Е. С. Зевакина и Н. А. Пенчко „Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV в.“. „Исторические записки“, АН СССР, 1940, т. 7.